

РОЗДІЛ 3

МІЖНАРОДНА ПОЛІТИКА ТА МІЖНАРОДНІ ВІДНОСИНИ

УДК 316.4

Наумкіна С.М., Ткачук Ю.В., Південноукраїнський державний педагогічний університет імені К.Д. Ушинського

Наумкіна Світлана Михайлівна – доктор політичних наук, професор, завідувач кафедри політичних наук Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського.

Ткачук Юлія Вікторівна – кандидат політичних наук, старший викладач кафедри політичних наук Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського.

Глобализация как тип социальной трансформации

В статье основное внимание уделяется анализу разных подходов к процессу глобализации, определению его существенных признаков, положительных и отрицательных черт.

In this article the basic attention is given to the analysis of various approaches to process of globalization, definition of its important characteristics, the positive and negative sides.

Цель данной статьи – проанализировать современные концепции глобализации, наиболее распространенные в отечественной и зарубежной политической науке, обосновать точку зрения авторов относительно этого феномена XX века. Для достижения данной цели целесообразно решение следующих исследовательских задач:

- провести сравнительное исследование существующих концепций глобализации;
- определить содержание процесса глобализации, его ключевые черты, достоинства и недостатки;
- обосновать процессы глобализации как один из типов социальной трансформации.

Концепция глобализации, ставшая в последнее десятилетие XX в. предметом

исследования многих политологов, философов, социологов и экономистов, как выяснилось, может принести немало неожиданного не только ее создателям, но и всему современному обществоведению. В первую очередь потому, что само понятие “глобализация” весьма специфично и изначально предполагает апелляцию к процессам, так или иначе охватывающим весь мир, все человеческое сообщество.

Способно ли человечество найти адекватное решение обостряющихся проблем глобализации? Сможет ли оно повысить с этой целью “управляемость” общественных процессов, обеспечить достижение разумных компромиссов, гармонизировать свои отношения с окружающей средой? Какие формы политического устройства соответствовали бы

его коренным интересам? Какова сегодня роль различных течений общественной мысли, есть ли возможности их синтеза? Эти и другие принципиальные вопросы, актуализированные глобализацией, ожидают аргументированных ответов специалистов.

Известные отечественные и зарубежные обществоведы рассматривают с разных точек зрения альтернативные варианты решения названного круга проблем на национальном и международном уровнях, подчеркивая неравномерность и риски глобализации.

Анализу формирования глобального экономического, правового и политического пространства посвятили свои труды Дж. Стиглиц, С. Стренж, Э. Хеллайнер, Р. Андерхилл, Ф. Черни, Л. Вейс, Т. Пемпел, Т. Скопол, П. Эвенс, Д. Хелд, П. Катценштайн и др. Эти исследователи одними из первых развернули конкретные исследования механизмов глобализации, сосредоточившись на анализе взаимодействия внешней политики и мирохозяйственных процессов. Концепции Э. Гидденса, Ж. Атали, М. Фуко, А. Нанди позволяют взглянуть на глобализацию как на процесс, не просто заданный объективным порядком или даже им сверхдетерминированный (в терминах Л. Альпоссера), но как на процесс творимый, создаваемый, подлежащий не только историческому проектированию, но и социальной инженерии, не только конструируемый, но и деформируемый.

Ряд авторов, в частности Дж. Биллингтон, А. Вебер, Дж. Кьеза, Ю. Яковец, З. Яхимович, К. Градов, с разных сторон исследуют феномен “расколота цивилизации” как результат технологической, информационной гонки, навязываемой наиболее богатыми и продвинутыми государствами мировому сообществу.

Хотя корни глобализационных процессов уходят в глубь веков, сама глобализация – феномен XX века. Ее идейный фундамент – попытка выработать общее для жителей Земли понимание ключевых принципов жизнеустройства, создать глобальное мегаобщество как альтернативу доминировавшей на протяжении Нового времени (эпохи Модерна) модели национального государства. Поэтому понятие глобализации является сравнительно новым, получившим широкое распространение в научной политической литературе в последние десятилетия.

Можно сказать, что глобализация является наиболее обсуждаемой и в то же время наименее понятной тенденцией современного мира. Существует множество концепций и подходов в определении того, что понимать под глобализацией, какие аспекты и сферы она охватывает, насколько глобализация является

универсальной и всеобъемлющей тенденцией мирового политического процесса [1, с. 3].

Идею о глобализации как движущей силе перехода от одного типа общества к другому – от модерна к постмодерну, от индустриального к постиндустриальному общественному порядку – разделяют многие западные исследователи, в частности Э. Гидденс и У. Бек. В такого рода концепциях глобализация выступает не столько в виде конкретного исторического феномена, обладающего определенными экономическими, социальными, коммуникационными и т.п. параметрами, сколько в облике некоего обобщающего символа перемен, переживаемых в последние десятилетия западным обществом. В принципе можно объяснить, почему данное понятие используется в таком смысле. Один из важнейших параметров этих перемен – громадное расширение той сети социальных связей, в которые включен индивид, оно сопровождается возрастающей дестабилизацией этих связей и часто распадом устойчивых человеческих общностей, способных «вооружать» индивида набором четких норм, ценностей, мотивов. Еще до того, как вообще зашла речь о глобализации, эти процессы достаточно широко проявились в рамках отдельных национальных обществ, особенно индустриально развитых. Конечно, следует признать, что это не вполне объясняет, почему глобализация рассматривается как главная движущая сила этих социальных сдвигов. Их первичные движущие силы, скорее, заключены в обстоятельствах развития конкретных обществ, а глобализация могла лишь усилить размах перемен, придать им новые масштабы и формы.

Известно, что представители ООН, других международных организаций не раз подчеркивали важное значение формирования новой глобальной цивилизации. Проблемы становления такой цивилизационной модели некоторые авторы тоже склонны увязывать не в последнюю очередь с ускоряющимися процессами глобализации и их эффектами. В документах международных организаций и в позициях представителей разных конфессий выражена особая точка зрения. В частности, ряд представителей католической социальной мысли к центральным вопросам глобализации, прежде всего к ее политическим, гуманитарным аспектам и последствиям нередко относят ощущение “дефицита демократии”, ослабления стабильной связи между государством, территорией, населением и богатством. К этому сводится и суть призывов ряда нерелигиозных общественных организаций и движений.

Как считает Э. Гидденс, глобализация охватывает не только материализованный мир, но и весь социум, который на уровне индивида

учится преодолевать новые риски с помощью так называемой “социальной рефлексии” [2, р. 5]. Говоря об отношении Гидденса к глобализации, нужно выделить еще одну точку зрения на глобализацию, которая в научной литературе получила название трансформационалистской. В соответствии с данным подходом глобализацию следует относить к новому типу социальной трансформации. Но при этом подчеркивается, что она незавершена и способна менять свой характер как под влиянием объективных обстоятельств, нелинейности современных социальных процессов, так и вследствие политики, направленной на преодоление ее недостатков. Таким образом, с точки зрения сторонников этого подхода, нельзя сказать, что глобализации нет, что она насаждается или является чистым инструментом западной гегемонии. Глобализация существует, причем как объективное явление, итог пятисотлетнего возвышения Запада и модернизации, представляющей собой ответ остального мира на этот процесс.

Заслуживает внимания и мнение украинского исследователя О. Белоруса, который считает, что целью глобального устойчивого развития должно быть не материальное производство и потребление, а развитие интеллектуально-духовной сферы. “Новая глобальная цивилизация должна стать цивилизацией самоограничения для многих народов, и цивилизацией нового, не материального, а духовного качества жизни” [3, с. 133-134].

Такой смысл понимания глобализации обоснован тем, что одним из важнейших параметров этих перемен является громадное расширение той сети социальных связей, в которые включен индивид. Оно сопровождается возрастающей дестабилизацией этих связей и часто распадом устойчивых человеческих общностей, способных “вооружать” индивида набором четких норм, ценностей, мотивов.

Разнообразие оценок глобализации опосредованно отражает и противоречивость самих процессов, в ходе которых она разворачивается. Среди многих противоречий в данной связи отметим, в частности, следующие:

- противоречие между общечеловеческими интересами во взаимозависимом мире и национально-этническими особенностями, между глобализацией и стремлениями к идентичности, к самоопределению народов, социальных общностей, личностей;
- проблему совместимости или несовместимости разных локальных цивилизаций, которая не смягчается, а еще более обостряется в период ускоренной глобализации;

– противоречие между гомогенизацией и диверсификацией, объединением и фрагментацией [4, с. 309].

Из противоречий глобализации стоит отметить и проблему разрыва между частной экономической деятельностью и ее социальными последствиями. С формальной точки зрения глобализация – это своеобразный возврат к рыночной конкуренции, которую капитализм уже один раз в своей истории внедрял в каждой отдельно взятой стране. “Возможно, мы находимся в ситуации европейского национального капитализма начала XIX века, – пишет С. Хофман, – до того, как государства начали его регулировать и говорить, что даже озабоченный прибылями капиталист должен время от времени заниматься своими рабочими, обеспечивать им известный уровень социальной защиты, некоторый минимально необходимый уровень заработной платы. Ничего подобного в глобальном измерении пока нет” [5, р. 99].

На более поздних этапах государство стало вмешиваться в сам процесс капиталистического воспроизводства. И вот теперь, в начале XXI века, под предлогом повышения эффективности производства глобализация потенциально несет с собой угрозу демонтажа всей созданной над рынком социальной и административной надстройки. Многие считают, что в перспективе это приведет к новому обострению классовых отношений, на этот раз в планетарном масштабе, к дестабилизации общественной жизни. Повсеместный рост степени неравенства в доходах, расширение зон нищеты в самых процветающих странах мира общественность связывает с развитием процессов глобализации [6, с. 133-134].

Отметим две основные трактовки глобализации, утвердившиеся в научной литературе. По мнению некоторых исследователей, современные процессы глобализации не приносят ничего нового в международные отношения и в деятельность национальных институтов, региональных организаций, а лишь продолжают прежние тенденции, которые возникли “четыре или пять столетий назад” и завершаются неоспоримым, необратимым, с их точки зрения, “триумфом капитализма в подлинно глобальном масштабе” [7, р. 1-4].

Развитие международных связей часто рассматривается как часть процесса “глобализации” или, если сказать точнее, “европейской глобализации”. Глобализация в этом контексте подразумевает, по меньшей мере, два отдаленных феномена. Во-первых, политическая, экономическая и общественная активность обретает всемирный масштаб. И, во-вторых, все более набирает силу интенсификация уровней взаимодействия и взаимосвязанности между государствами и обществами, составляющими международное

сообщество. Новое в современной глобальной системе – это постоянная интенсификация структуры взаимосвязей, опосредованной такими феноменами, как современная индустрия коммуникаций и новейшие информационные технологии, а также процесс глобализации внутрь и вширь новых измерений взаимосвязанности: технологической, организационной, административной и правовой, каждая из которых в числе всего прочего обладает своей собственной логикой и динамикой изменений. Политика сегодня разворачивается со всей своей обычной неопределенностью, случайностью и недетерминированностью на фоне мира, проникнутого и пересекаемого потоком товаров и капитала, движением людей, коммуникацией через авиационный транспорт и космические спутники.

Еще одна точка зрения, которая заслуживает, чтобы ее выделили, заключается в том, что все или почти все в мире меняется из-за глобализации. Странники подобного тезиса, исходящие из веры в исключительно “сильную глобализацию”, сомневаются в реальных возможностях самостоятельных действий наций-государств. Более того, они считают, что в грядущем столетии глобализация позволит США сохранить свое лидерство в мире. Профессор Парижского института политических исследований А. Валладао объясняет, почему именно США, оказавшиеся после краха СССР единственной сверхдержавой, стали главным двигателем глобальных процессов не только в экономической и политической областях, но и в культурной сфере [8, с. 18].

Экономическая мощь и новаторский характер американского капитализма позволяют США стать практически единственным центром распространения нововведений в технологической, финансовой, организационно-управленческой сферах мировой экономики. США являются одновременно и двигателем, и экспериментальной лабораторией того, что называется глобализацией.

Украинский ученый В. Малинкович выделяет четыре принципиальных события, изменивших ситуацию в мире: 1) развитие новых технологий, прежде всего коммуникационных и военных, которые дали неоспоримое преимущество США и другим странам “золотого миллиарда”; 2) выросшая до невероятных размеров роль наднациональных корпораций и формирование идеологии неолиберализма или глобализма, видящей в границах национальных государств и локальных культурах тормозящие прогресс явления; 3) поражение практически всех проектов эпохи модерна, начиная с

докантовских времен. В результате чего мы получили ситуацию постмодерна, где в условиях отсутствия макронарратива с европейской стороны набирают силу примитивные, фундаменталистские теории и идеологии. Причем это относится не только к исламскому и другим мирам Востока; 4) падение в 1991 г. тоталитарной системы, что, с одной стороны, безусловно, заслуживает позитивной оценки, в то же время имело и негативные последствия: оно нарушило сложившееся равновесие, что позволило наднациональным корпорациям осуществлять свою экспансию, опираясь на неоспоримую мощь Соединенных Штатов. И в данном случае В. Малинкович согласен с мнением Ф. Фукуямы, который полагает, что глобализм не сводится к простому распространению неолиберальной экономики по всему миру. Сегодняшний глобализм – это глобализм по-американски [9, с. 14-15]. Хотя подобного рода утверждения оспариваются не только отечественными, российскими, но также и некоторыми западными исследователями.

Глобализация не предполагает установления неких универсальных моделей.

По мнению ряда ученых, чью точку зрения разделяет и автор данной статьи, глобализацию следует расценивать как тенденцию, которая едва начала нарастать на рубеже XX-XXI веков – в ходе формирования “общепланетарного, экономического, научного, информационного пространства” развития “основ глобального мышления” и “общих контуров будущей цивилизации” – в том виде, в каком она вызревает в недрах индустриального общества, постепенно (а в период кризиса стремительно) сбрасывая его устаревшие оболочки” [10, с. 324].

Некоторые исследователи рассматривают глобализацию не только как тенденцию, проецируемую на будущее, но и как во многом реальный факт современности, признак наступающей новой фазы цивилизационного прогресса. При этом подчеркивается общность судьбы всего рода человеческого.

Под глобализацией понимается несколько действительно важных процессов: изменение и ослабление функций национального государства, активизация деятельности транснациональных негосударственных образований, в том числе таких, как этнические диаспоры, религиозные движения, мафиозные группы, интернационализация экономики, развитие единой системы мировой связи [11, с. 117].

Отрицать наличие перечисленных тенденций бессмысленно, однако, не все они глобальны по своим предпосылкам. Не вызывает сомнений лишь то, что данные процессы есть следствие хозяйственного и

социального прогресса западного мира, прогресса, отчасти экспортируемого самим западным миром, отчасти копируемого в других странах.

Также возникает вопрос о том, является ли нынешняя глобализация прямым продолжением интернационализации капитала, начало которой отнесено французским историком Ф. Броделем к XVI-XVII столетиям и которую он назвал процессом создания “мировой экономики” вокруг некоторых центров становления европейского капитализма (Генуя, Голландия, Англия). Таково мнение, например, французского профессора-географа О. Дольфюса.

Задача определения сущности глобализации действительно непростая. Процесс глобализации имеет всеохватывающий характер. И в настоящее время можно утверждать, что она является предметом исследования почти всех общественных научных дисциплин, каждая из которых имеет свой понятийный язык, свой набор категорий, не всегда стыкующихся между собой и зачастую пересекающихся.

Б. Бади, профессор Парижского университета политических исследований, выделяет три измерения этого понятия: глобализация – это исторический процесс, развивающийся на протяжении многих столетий; глобализация означает гомогенизацию мира, жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все универсализировать; глобализация – это признание растущей взаимозависимости, главным следствием которой является подрыв, разрушение национального государственного суверенитета под напором действий новых актёров общепланетарной сцены – глобальных фирм, религиозных группировок, транснациональных управленческих структур (сетей), которые взаимодействуют на равных основаниях не только между собой, но и с самими государствами – традиционными действующими лицами международных отношений [12, р. 35].

Отдельные ученые подвергают сомнению концепцию глобализации. В частности, Р. Буайе полагает, что новые оригинальные феномены в экономике 80-90-х годов не укладываются в строгое понятие единопланетарности. Более подходящим Р. Буайе считает термин “запутанный порядок”. Однако отсутствие “нового Кейнса”, который мог бы описать в строгих категориях закономерности такого порядка, идущего на смену послевоенной модели мировой экономики, вынуждает пока пользоваться приблизительной “глобалистской” терминологией.

Пожалуй, подобная точка зрения является скорее исключением, чем правилом. И большинство авторов все же признают глобализацию реальным процессом, быстро развивающимся во всех областях общественной жизни. Что касается расхождений, то они в большей мере затрагивают не суть явления, а оценку степени важности тех или иных сторон глобализации.

Итак, сравнительное исследование современных концепций глобализации позволяет нам выделить следующие основные тенденции, возникающие при вступлении в эпоху глобализации: 1) всеохватность и комплексность изменений, трансформация всех параметров социальных структур; 2) доминирование глобальных ценностей и ориентиров над локальными; 3) гибридизация культуры; 4) ослабление национально-государственного фактора, превращение гражданского общества в единственную форму упорядочения глобального социума; 5) раскрепощение “глубинных” (примордиальных) феноменов; 6) переход от “современного” к “постсовременному” типу рациональности с его акцентом на мозаичность и внутреннюю несвязанность восприятия и конструирования социальной реальности [13, с. 36-39].

Многие исследователи, например В. Хорос [14, с. 182], сходятся на том, что глобализация приводит не только к интернационализации и более тесному взаимодействию разных стран и цивилизаций, но и одновременно вызывают различного рода кризисные явления в менее

ЛІТЕРАТУРА

1. Жвйтиашвили А.Ш. Концептуальные истоки идеи глобализации // Социс. – 2003. – № 6. – С. 3-13.
2. Giddens F. Affluence, Poverty and Idea of a Post-Scarcity Society. – N.Y., 1995. – P. 5.
3. Білорус О. Глобалізація. Прийняти виклик часу // Віче. – 2000. – № 12. – С. 133-134.
4. Шемятенков В. Евро: две стороны одной монеты. – М., 1998. – С. 302-334.
5. Hoffman S. The European Sisyphus: Essais on Europe, 1964-1994. – Westview Press, 1995.
6. Білорус О. Глобалізація. Прийняти виклик часу // Віче. – 2000. – № 12. – С. 133-134.
7. Sweezy P.V. More (or less) on globalization // Monthly Review. – 1997. – Vol. 49. – № 4. – P. 1-4.
8. Valladao A. Le XXI siecle sera americain. – Paris, 1993.
9. Переосмысляя современность. Материалы международной конференции // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 12-33.
10. Яковец Ю. Циклы, кризисы, прогнозы. – М., 1999. – 468 с.
11. См.: Некипелов А. Обзор: Глобализация как вызов национальным экономикам // Свободная мысль. – 1999. – № 1.

12. Badie V. La fin des territoires. – Paris, 1995. – P. 35.
13. Глобализация. Модернизация. Россия. Круглый стол // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 34-52.
14. Хорос В.Г. Постиндустриальный мир – надежды и опасения // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. – Сб. 1. – М., 1999.
15. Хатингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 34-39.

Стаття надійшла до редколегії 04.06.2005 р.